

Кое-что о народных фронтах времен перестройки и политических партиях современности

З.А. Станкевич

доктор юридических наук,

действительный член (академик) Российской академии социальных наук,

член Союза журналистов Москвы

Прежде всего, хотел бы отреагировать на некоторые спорные вопросы, затронутые в докладе и содокладе. Точнее, внести ясность по ряду из них, которые у нас нередко излагаются в достаточно вольной трактовке, весьма далекой от реальной действительности.

Первое. О народных фронтах в прибалтийских республиках (в Литве – Литовское движение за перестройку «Саюдис») и, якобы, решающей роли союзного Центра (в частности, ЦК КПСС) в их создании и деятельности. Как ни странно, с такой постановкой вопроса в принципе можно согласиться, но лишь в том смысле, что эти фронты были прямым продуктом горбачевской перестройки, и не более того. Все, что касается непосредственного участия

«людей из Москвы» в организации этих народных объединений – это весьма популярный миф, уходящий корнями в достаточно распространенную у нас конспирологическую теорию развала Союза ССР.

На самом деле, народные фронты начинались с общественного «бурления» первых двух лет перестройки (1986-1987 гг.) и объектами этой активности были вполне безобидные, «земные» проблемы (например, защита родной природы, протесты против «неоднозначных» строек и т.д.). Реакция местных властей (как партийных, так и государственных) на эту активность была по-советски традиционной: наблюдать, не вмешиваться, пресекать экстремистские проявления. Москва не возражала.

Но вскоре, в 1988-1989 гг., данная активность стала отчетливо политизированной и приобрела организационную форму массового движения, с наличием которого уже нельзя было не считаться. Это чрезвычайно обеспокоило местное руководство, но Москва не разделяла этих тревог – она требовала действовать «в духе обновления», согласно старому принципу: «не можешь одолеть – возглавь!». Как следствие, многие народофронтовцы (как настоящие, так и будущие) стали делегатами «революционной» XIX партконференции, народными депутатами СССР времен перестроечного Съезда, а на сторону фронтов перешла целая когорта партийных и советских работников (особенно, среднего и низшего ранга), районных, городских и хозяйственных руководителей. Установилось фактическое двоевластие.

Наконец, на третьем этапе (1990-1991 гг.), когда власть вполне законным образом полностью перешла в руки оппозиции, которую в Латвии, Литве и Эстонии олицетворяли именно народные фронты, реакция Москвы была столь же отстраненной и невнятной. Хотя формально, конечно, произносились «грозные» слова и принимались «строгие» решения. Но на деле ничего не шло дальше пустых закулисных увещаний и бесплодных попыток найти взаимоприемлемый компромисс с новыми республиканскими властями. Нередко – ценой отказа от поддержки тех, кто проиграл в этой судьбоносной схватке, хотя вступил в нее

далеко не по своей воле. О какой же «руке Москвы» здесь может идти речь?

Второе. Здесь упоминались некие «протоправительства» государств Балтии, якобы существовавшие на Западе в период непризнанного им нахождения Латвии, Литвы и Эстонии в составе Советского Союза. Хочу заметить, что это не соответствует действительности – никаких «закордонных правительств» этих государств (по типу польского эмигрантского правительства С.Миколайчика, или чехословацкого – Э. Бенеша) после «исторического разворота» 1940 года не существовало. В некоторых западных столицах (напр., Вашингтоне) были сохранены чисто символические диппредставительства, которые до своей смерти вели послы, назначенные ещё досоветскими правительствами, а затем формально возглавляли люди из национальных эмигрантских кругов. Когда же страны Балтии вновь обрели свою независимость (1991 г.), законное имущество в виде помещений для посольств и консульств было им возвращено.

Третье. О т.н. пакте Молотова-Риббентропа, или, точнее, о секретном протоколе к советско-германскому договору от 23 августа 1939 года и его влиянии на перестроечные процессы в Прибалтике. Споры нет, это влияние огромно – ведь именно проблема пресловутого «пакта» была положена в основу всей борьбы за восстановление национальной независимости трех небольших республик на берегу Балтийского моря. Однако было бы серьезной передержкой утверждать, будто только правда о пакте «открыла глаза» латышам, литовцам и эстонцам, и заставила их пересмотреть свое отношение к государству, в составе которого они жили и трудились ровно половину великого и трагического XX века. Как человек, родившийся и выросший в национальной (латышской) среде, закончивший национальную школу и вуз, могу свидетельствовать, что тайна «пакта» была для большинства коренных жителей настоящим «секретом Полишинеля» – о ней в советские годы не знал разве-что ленивый. Другое дело, что на эту тему властями было наложено строжайшее табу и любое ее обсуждение (даже неформальное) грозило серьезнейшими

неприятностями. Естественно, когда это стало возможным «без последствий», тема моментально оказалась в центре общественной дискуссии и была использована «на всю катушку» в политической борьбе за власть.

Четвертое. О необоснованных уступках, которые, якобы, делались прибалтийским республикам союзным Центром на завершающем этапе их пребывания в составе СССР. Здесь необходимо особо подчеркнуть, что борьба за независимость Латвии, Литвы и Эстонии никогда не была ни хаотично-произвольным, ни, тем более, навязанным кем-то процессом, как это иногда представляют люди, слабо знакомые с местной спецификой. Ее, эту борьбу, всегда, на всех этапах отличали высокая степень национальной самоорганизации и солидарности, ясная стратегия и четкая тактика действий, которая базировалась на известном принципе «шаг за шагом». Данная тактика, в частности, позволяла прибалтам все время владеть инициативой в противостоянии с политически и административно «малоподвижным» Центром, и постоянно выигрывать у него драгоценное историческое время.

Успеху дела должен был способствовать и другой важнейший принцип – «гонка за лидером», при котором бремя «первопроходца» возлагалась на одну из республик (вначале Эстония, затем – Литва), а обе остальные следовали за ней с дистанцией в несколько месяцев, но зато обогащенные опытом лидера – и положительным, и отрицательным. Это была чрезвычайно удачная тактическая находка, особенно на начальном этапе борьбы за независимость, так как у оппозиции тогда ещё не было полной уверенности относительно пределов новой политики М.Горбачева. Существовали вполне обоснованные опасения, что, при всем своем демократизме, он не позволит перейти запретную черту, т.е. все ограничится очередным «совершенствованием социализма». Как показали дальнейшие события, все оказалось намного проще. А мы почему-то продолжаем вспоминать какие-то «уступки»...

Теперь позволю себе высказаться по современной партийной

системе России. Если коротко, то пока ещё она весьма несовершенна, местами неполноценна и даже уродлива, что явственно доказали последние думские выборы и здесь уже упоминавшийся результат партии-победителя – 76% (напрашивается прямая аналогия с результатом Всесоюзного референдума 17 марта 1991 года о сохранении Союза ССР – там тоже было 76% и мы знаем, чем это закончилось). Как следствие мы имеем фактически однопартийный парламент, в котором серьезно представлены **только** государственная бюрократия и лояльное ей предпринимательство, а остальные парламентские партии низведены до униженного уровня откровенной «политической декорации». И это после более чем 25-летнего развития российской партийно-политической системы – не будем забывать, что эта система зародилась задолго до того как «на свет» появилось нынешнее Федеральное Собрание РФ, ещё в недрах бывшего Советского Союза. Следовательно, было вполне достаточно времени, чтобы этой системе сформироваться, окрепнуть и развиваться.

Как же все-таки получилось, что на сегодня мы «имеем то, что имеем»? Мой ответ будет таким: в этом виновата, прежде всего, постсоветская российская власть, которая **никогда** (ни в 90-х годах, ни в последующую политическую эпоху) не была, по сути, заинтересована в существовании полноценной, самостоятельной партийной системы. Она её всегда боялась, не умела с ней работать, а по сему стремилась держать «на коротком поводке». Ведь не секрет (об этом нередко пишут СМИ), что партии у нас имеют привычку «рождаться» и «умирать» в недрах президентских структур, а Министерство юстиции (главный государственный регистратор и «куратор» партий и прочих общественных объединений) всего лишь юридически оформляет принципиальное политическое решение, принятое на Старой площади. Удивительно ли при этом, что сегодня мы фактически имеем только 2 общероссийские политические организации – КПРФ и «Яблоко» (как бы к ним ни относиться), которые, на мой взгляд, более-менее соответствуют критериям классической политической партии (идеология, программа, организация и т.д.). Все остальное –

это работающие на власть (в той или иной форме) «партии-функции», в широком диапазоне от т.н. правящей партии до примитивной «партии-спойлера», действующей, главным образом, в период выборов.

Напомню, что согласно канонам политической науки, партией может считаться только «иерархическая политическая организация, объединяющая на добровольной основе лиц с общими социально-классовыми, политико-экономическими, национально-культурными, религиозными и иными интересами и идеалами, ставящая перед собой **цель завоевания политической власти** или **участие в ней**». Следовательно, нормальной политической партией вряд ли можно назвать организацию, которая не стремится в той или иной степени «подвинуть» правящую политическую силу, а только «мирно сосуществует» с ней, которая не подвергает принципиальной критике ее курс и практические действия, а «конструктивно» с ней сотрудничает, и которая не предлагает народу взамен свои оригинальные подходы к решению проблем, стоящих перед обществом и государством. А сколько у нас таких партий?

В том то и дело, что таких партий у нас почти нет, а те, что могли бы реально претендовать на подобный статус, довольствуются «малым участием» – в лучшем случае, небольшой депутатской фракцией в федеральном или региональном законодательном органе. Возможно, именно по этой причине в России, славящейся своей левизной, до сих пор нет мощной социал-демократической партии, выражающей интересы наемных работников, вне зависимости от сферы занятости и формы собственности. Возможно, именно поэтому здесь никак не удастся создать сильную право-либеральную партию, политически объединяющую крупный и средний бизнес, «белые воротнички» и часть интеллигенции. Наконец, возможно, именно по этой причине здесь до сих пор не существует влиятельной национал-патриотической партии, способной цивилизованно формулировать, выражать и отстаивать базовые интересы государствообразующего народа.

*Авторизованный текст выступления
на двадцатом заседании Исторического клуба «Моё
Отечество»
при Союзе журналистов Москвы
27 октября 2016 г.*

